
Судьба Беспризорного Графа
За всю прожитую ранее жизнь
я поступал по совести и чести.
Содержит нецензурную брань
Жердев Н.
18+

Николай Жердев

Судьба беспризорного Графа

«Автор»
2026

Жердев Н.

Судьба беспризорного Графа / Н. Жердев — «Автор», 2026

«Судьба беспризорного Графа» — автобиографическая повесть о поиске своего места в жизни, цене свободы и человеческого достоинства. В ней есть жестокость и предательство, дружба и взаимопомощь, потери и попытки начать всё сначала. Автор говорит о пережитом прямо, без сказочных героев и выдуманных приключений.

© Жердев Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Беспризорное детство 5
Глава 2. Бесшабашная юность 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Николай Жердев
Судьба беспризорного Графа

Глава 1. Беспризорное детство

Детдом. Беспризорное детство.
Ни матери нет, ни отца.
Глубокий рубец на сердце.
Душевная пустота…

Где я родился, не знаю. Кто мои родители — тоже. Я никогда их не видел. Моим первым домом стал детский дом на Урале, недалеко от Челябинска. Край суровый, зимы холодные. Но в стенах детдома даже летом негде было согреть душу и почувствовать себя человеком, а не «выблядком», как называли нас воспитатели.

Мне было двенадцать, когда я впервые оттуда сбежал. До этого я жил в мире, где прав тот, у кого крепче кулаки. Воспитатели и администрация не скрывали, что мы для них — нахлебники. Нас били за любую провинность, ставили голыми коленями на горох. Кормили так, что к вечеру живот сводило от голода. Приходилось самим учиться добывать еду за пределами детдома.

Осенью мы воровали запасы на дачах. Это были, как ни странно, счастливые осенние и зимние дни: мы объедались до тошноты, спали там и порой жили месяцами — хозяева в эту пору редко наведывались на свои участки.

Мы собирали бутылки, сдавали их и покупали хлеб. Иногда забирались в чужие квартиры через открытые форточки. Воровали только еду — чтобы выжить.

Помню один случай. Мне было одиннадцать лет. Старшие пацаны подсадили меня к форточке: я должен был забраться в квартиру, открыть окно и передать им всё, что найду. Я открыл холодильник и увидел банку клубничного варенья. Тут же забыл обо всём. Руки у меня были грязные, но я схватил банку и стал есть прямо из неё. Раньше я ничего подобного не пробовал. Вкус того варенья остался в моей памяти навсегда.

— Ты чего тут делаешь, гадёныш?

Я услышал это внезапно и обернулся.

От неожиданности банка выпала у меня из рук и разбилась.

В дверном проёме стоял здоровенный мужик — хозяин квартиры. Разбираться он не стал: схватил меня за уши и принялся пинать, крича и ругаясь. Потом вызвал милицию.

В отделении меня били так, что я не мог встать. Семь дней я пролежал в камере, прежде чем за мной приехали из детдома.

В детдоме меня ждали. Встретили не словами, а кулаками.

— Ты позоришь наш дом! — орал директор, и его слюни летели мне в лицо. — Мы тебя кормим, поим, а ты?! Выблядок неблагодарный! Государство тебя содержит, а ты воруешь!

«Выблядок» — любимое слово не только директора, но и других работников детдома. Мы слышали его каждый день. Мне казалось, они получали какое-то уродливое удовлетворение от своей безмерной власти над нами.

После очередного конфликта меня выгнали из детдома. Я снова оказался среди таких же беспризорных пацанов, как и сам, и мы вместе боролись за существование — как могли.

Мы были одной семьёй, хотя порой дрались между собой жестоко. Зато друг за друга стояли горой.

Мы называли друг друга братьями, порой забывая настоящие имена. У каждого было прозвище. За мной закрепилось «Граф» — наверное, потому, что даже в наших суровых усло-

виях я стремился к чистоте, порядку и порядочности. Честно говоря, многое из того, с чем сталкивала меня судьба, давалось мне легко.

Спали где придётся: на чердаках, в угольных сараях многоэтажек. Тогда дома ещё топили углём, и при каждом был свой закуток. Там мы прятались от холода. Одежда — старая, не по размеру; обувь, как правило, с чужой ноги. Добывали всё это где придётся.

Трижды меня пытались «продать». Всё происходило в актовом зале. Слово «продать» я намеренно ставлю в кавычки: для нас это выглядело самым настоящим базаром.

В зале сидели семейные пары и одинокие взрослые. Мы, дети, читали со сцены стихи и пели песни. Рядом стоял стол с бланками и печатями. Когда кто-нибудь выбирал ребёнка, администрация громко объявляла: «К тебе мама с папой приехали!» — и начинала оформлять документы.

Трижды меня, словно вещь, отдавали чужим людям, не спросив моего согласия. Я всякий раз сбегал. Меня снова возвращали, оскорбляя, награждая пинками и подзатыльниками.

Это было, когда мне исполнилось восемь, потом девять, потом одиннадцать лет.

В двенадцать меня уже никто не брал. Может, потому что я выглядел взрослее. А может, потому что я перестал верить в «маму и папу».

Детдомом управлял однорукий фронтовик. Вместо левой руки у него была железная клешня. По его прошлому ходили разговоры: будто его выгнали из областного совета за воровство, а потом назначили директором к нам. Он был жестоким и жадным, бил детей своей клешнёй. На День Победы надевал полковничий мундир, грудь — в орденах. Мы смотрели на него и думали: «Наверное, наградили за то, что замучил много детей».

Это был не детский дом — скорее колония. Всё держалось на уголовных законах: прав сильнейший. Дрались жестоко. В ход шли арматура, цепи, металлические части кроватей, ремни — всё, что попадалось под руку. Иногда драки заканчивались смертью. Пятиклассников администрация уже опасалась трогать: они могли дать сдачи.

Младшие же продолжали жить в постоянном унижении и страхе, мечтая лишь об одном — поскорее вырасти и покинуть стены этого заведения.

В седьмом классе я попал в колонию для несовершеннолетних. Звучит странно, но там оказалось легче. Я чувствовал себя почти как дома: за плечами уже была суровая школа жизни. С малых лет я усвоил, что в таких условиях силу считают властью. С этим у меня проблем не было. Я быстро освоился, научился соблюдать местные правила и заслужил уважение. Уголовники нас не трогали, называя по жизни бродягами.

После колонии я вернулся в детдом. Девятый класс окончил с отличием — если не считать двойки по поведению. Учился легко. Лучшими предметами были русский язык и математика. Мои сочинения занимали первые места, а на контрольных по математике я успевал решить два варианта и помочь пацанам.

Помню, как меня пытались принять в комсомол. Председатель комиссии спросил:

— Сколько стоит булка хлеба?

Я ответил:

— Серая — шесть копеек, белая — десять.

Он заорал так, что брызги полетели:

— Да как ты смеешь?! Булка хлеба — это реки пота и крови! Труд тысяч людей!

Я посмотрел на него и сказал:

— Вы что, серьёзно так думаете?

Я обозвал его дураком и психом и, разрываясь от смеха, покинул это сборище взрослых людей.

Утром воспитательница принесла мне комсомольский билет. Он мне был не нужен, но он давал право на реабилитацию детской судимости. Так я стал комсомольцем.

После девятого класса, в начале июня, нас без всяких проводов погрузили в автобус и увезли в Миасс, в профессионально-техническое училище. Ни выпускного, ни прощания.

Никаких напутственных слов. Впрочем, после всего пережитого они нам уже были не нужны.

Мы радовались, что наконец-то наступила свобода.

Мы не понимали тогда, что детдом был лишь началом сложной и запутанной судьбы. В самостоятельной жизни нам ещё предстояло пройти жёсткий отбор — и не каждому было суждено найти своё место.

Так закончилось моё детство.

Начиналась самостоятельная юность — неизвестная и потому загадочная.

Мне тогда казалось, что теперь я никогда больше не столкнусь с несправедливостью, алчностью и упрёками…

Глава 2. Бесшабашная юность

Детство в прошлом осталось.
Юность — новая жизнь.
И серьёзный экзамен
Ждёт меня впереди…

Беспризорное детство осталось позади. Началась бурная юность, полная новых впечатлений и событий.

Нас привезли в общежитие профессионально-технического училища города Миасса, в Челябинской области. Учебный год уже закончился; оставались только выпускники, которые сдавали экзамены.

Выдали нам талоны на обед в студенческой столовой — и на этом всё. Это было примерно 10–15 июня. Обед был практически один и тот же: суп, гарнир с котлетой или куриной ножкой, полстакана сметаны с сахаром, компот, два маленьких куска серого хлеба и один большой белого. Вроде всё просто, но как было вкусно. Мы сидели в столовой, пока нас дежурный мастер не просил выйти, ссылаясь на отведённое время на обед и большую загруженность. Мы молча вставали, поблагодарив поваров, и уходили. Первое время ещё долго сидели в общаге или во дворе училища, делились положительными впечатлениями между собой. Жалели только об одном: не было завтрака и ужина, так как в училище уже всё было закрыто и начинался ремонт. Директор вежливо попросил нас потерпеть немного, пока не начнётся новый учебный год.

Такого отношения к себе мы прежде не встречали. Около месяца, пока выпускники сдавали экзамены, жизнь казалась сказкой. Нам даже не верилось, что это происходит с нами.

В один из дней мы услышали музыку и пошли посмотреть. В актовом зале администрация поздравляла выпускников с окончанием училища, а затем начались танцы. Мы, как я сейчас понимаю, были плохо одетыми и дикими. Мы никогда не видели столько красивых девчат — они были разодеты как куклы.

Мне понравилась одна девочка. Я подошёл к ней, хотел познакомиться, а она брезгливо отскочила от меня с криком: «Пошёл вон!» Я был ошарашен и молча, под смех своих друзей, отошёл в сторону. Мы никогда не общались с девчонками и не были на танцах, да и танцевать не умели. Хотя я сам играл самоучкой на гармошке, бряцал на гитаре и сочинял разные блатные песенки, которые мы пели с пацанами. Нам казалось, это круто, а здесь был такой музон, от которого просто дух сводило. От песен Юрия Антонова душа разрывалась, а потом наступало полное душевное опустошение.

Но вот зазвучал рок-н-ролл, который как бы пригласил нас в круг. Мы начали скакать в своём кругу как могли, радуясь жизни и получая огромное удовольствие. Внезапно к нам подошёл дежурный мастер и попросил нас выйти, так как этот вечер только для выпускников. К тому же, сказал он, мы ведём себя как дикари и очень сильно материмся. Мы молча вышли на крыльцо училища, чувствуя себя не в своей тарелке. С первого же праздника нас попросили. Было очень обидно.

Но вот танцевальный вечер закончился, и все стали расходиться. Тут я опять увидел ту девушку. Она стояла в кругу своих друзей, и они что-то бурно обсуждали, весело смеясь. Я подошёл к ней и предложил проводить её до дома, так как было уже темно. В ответ она оскорбительным тоном и матом послала меня куда подальше, продолжая обсуждать что-то со своей компанией. Я был в шоке. Так состоялось моё первое знакомство с женским полом.

Вдруг ко мне подходит какой-то парень и начинает угрожать, что если он ещё раз увидит даже попытку подойти к этой девушке, сломает мне челюсть. Меня переклинило, я никому не позволял безнаказанно так ко мне относиться. Я просто взбесился и выписал ему с правой. Он упал без движений. Поднялся дикий визг девчат, и на меня набросились все его друзья.

Но они не знали, что это одно из самых моих любимых развлечений. Я отправил всех пятерых отдыхать. Мои братья не вмешивались, понимая, что это уже дело чести.

Вскоре выбежали дежурный мастер, директор и дружинники, окружили меня и начали орать. Что они говорили, я не слышал, мне было безразлично. Мгновенно приехала скорая, легавая, и увезли меня в ментовку. Получил я пятнадцать суток за хулиганку. Так состоялось моё знакомство с первой девчонкой и местными ментами.

Попав в изолятор, я как будто очутился в своём детстве и, можно сказать, попал в дом родной. Определили меня в камеру к взрослым мужикам. Я вошёл в хату, соблюдая все общепринятые понятия, и присел на своей шконке.

Ночью меня стали лечить, и мне пришлось этим уродам объясняться по понятиям, что они сучёные ментовские шавки и что их место под шконкой. На шум прибежали менты и перевели меня в другую хату. Там были настоящие сидельцы, приняли как положено, поговорили за жизнь, попоили чайком и объяснили, что та хата беспредельная, ментовская. Тогда всё стало на место, я понял, что им поручили проучить меня. Вышел я уже по тем воровским понятиям достаточно известным и уважаемым бродягой.

Когда вернулся к братьям, то не узнал ни их, ни комнату в общаге. Все тумбочки и стёкла были разбиты, на полу оставались грязные кровавые пятна, душки от кроватей сорваны — мы их обычно использовали в драке, пацаны в синяках и ссадинах.

Пацаны рассказали, что через четыре дня после того, как меня увезла ментовка, пришла огромная кодла и избила четверых наших ребят. Всего нас было шестьдесят, но все шарахались по городу, добывая еду, так как к тому времени уже закрылась столовая, и мы были предоставлены сами себе. Самое главное — все были живы. Так мы снова оказались в привычном нам реальном мире.

Где-то в конце июля пришёл незнакомый парень и назначил нам встречу за городом — «стрелку». Мы знали, что рано или поздно это случится: город небольшой, все друг друга знали. По жестоким правилам того времени обидчики должны были «ответить», иначе потеряли бы уважение.

Мы с удовольствием приняли приглашение и в назначенное время прибыли на указанное место. По тем правилам сначала должны были выйти один на один самые сильные в центр и рубиться до тех пор, пока кто-то не попросит прощения или не вырубится. Вышел я в круг — пятнадцатилетний пацан, против меня мужик лет тридцати, весь синий. Разделись по пояс и начали рубиться. Я впервые встретился с настоящим, достойным бойцом, но всё-таки я его уработал. Он оказался в итоге классным мужиком, с которым мы позже стали корефанами. И он прозвал меня «диким зверем».

После поединка понеслась толпа на толпу. Местная блатота была рыхлой и сильной только понтами и горлом, поэтому почти все разбежались. А кто не успел — остались на пустыре, хоть их было почти в два раза больше и все старше нас. Так мы получили прописку в нашем новом маленьком, но уютном городишке. Больше со стороны местной шпаны, которая держала город, к нам не было вопросов.

Но нам надо было как-то дожить до первого сентября, поэтому, разбившись на группы по десять человек, мы начали промышлять в закреплённых за нами районах. К середине августа от шестидесяти пацанов осталось двадцать, остальные разбрелись по миру, некоторых приняли менты. Поэтому к учебному году нас осталось только горстка. А жизнь уже никогда не сводила нас после расставания, поэтому я до сих пор не знаю, как сложилась их судьба.

Учебный год начался не без проблем. Пришлось жёстко поставить на место третьекурсников и их приятелей, чтобы прекратить дедовщину в общежитии и «шараге» — так мы называли училище.

Неожиданно для нас учебный процесс начался с подарков. Каждому из нас выдали огромное количество одежды, как нам казалось, а самое главное — всё было подобрано точно по

размеру, и нам не пришлось заниматься подгонкой под себя, что тоже казалось просто сказкой. Это были комплекты повседневной зимней и весенней одежды, униформа для посещения занятий. Помимо этого — десять пар носков и трусов, два свитера, две шапки (зимняя и весенняя), фуражка, три пары обуви, тёплый фирменный бушлат и осеннее пальто, а также множество различных мелочей для гигиены. Мыло, зубной порошок и крем для обуви впоследствии получали каждый месяц.

Мы сразу же выбросили все свои тряпки и переоделись в новую форму. Теперь мы не выделялись в любом обществе, а внешне стали его полноценными гражданами. Долгое время ходили по городу, и нам казалось, что счастливее и лучше нас на тот момент не было.

Но вскоре были ошарашены, когда нас вызвал к себе директор — обычно это был плохой знак. Мы между собой пытались найти причину, но так и не нашли. Я прервал эти размышления и сказал пацанам: «Пошли, там всё узнаем». Просто после такого тёплого отношения к нам мы не хотели бы приносить неприятности администрации училища.

Мы вошли в кабинет директора, встали вокруг стола. Сначала стояла какая-то звенящая тишина, затем директор сказал: «Дорогие ребята, сейчас бухгалтер выдаст вам стипендию в размере трёх рублей каждому, которая будет вам выдаваться каждый месяц». Бухгалтер сказала: «Прошу вас, подходите по одному, расписывайтесь и получайте свою первую зарплату». Получив свою долю, каждый молча выходил из кабинета совершенно с другим настроением. Нам казалось, что мы попали в рай: трёхразовое питание с обязательными добавками, огромное количество одежды и деньги — и всё это бесплатно. Разве это не сказка?

Так начались три года нашей самостоятельной юности.

Мы стали надёжной опорой училища. На спортивных турнирах часто побеждали с большим отрывом. В самом училище установился порядок, и мы наконец смогли сосредоточиться на учёбе и обычной жизни.

Мы участвовали во всех спортивных турнирах — как училища, так и города, начиная от лёгкой атлетики до бокса. Раньше в Советской стране это было обязательным условием для всех без исключения учебных заведений, административных структур, организаций и предприятий. И для решения данного вопроса к нам обращались через нашего директора. Мы с удовольствием соглашались, так как это было очень выгодно. За каждый этап или выступление каждому из нас платили по два рубля, а чемпиону каждого вида доплачивали ещё по пять рублей. Мы выступали не только в своём городе, но и в области, порой бывало, не находились в училище до месяца. На все эти периоды нас освобождали от обучения и автоматом ставили зачёты. В этот период нас кормили в городских кафе досыта и размещали в отелях по три-четыре человека в комнате, что тоже казалось сказкой после шестидесяти человек в одной комнате детдома и тридцати в училище.

Но занятия спортом постепенно разобщили наш коллектив. Нас начали приглашать в другие учебные заведения и предлагать такие условия, что пацаны соглашались и уходили.

Я тоже получил приглашение после побед в беге на сто метров и на боксёрском турнире, посвящённом известному боксёру. Кажется, его фамилия была Хохряков, но точно не ручаюсь. Нам рассказывали, что он попал в концлагерь, нокаутировал немецкого чемпиона и был за это расстрелян. Эта история произвела на меня сильное впечатление: участвовать в турнире его памяти было особой честью.

Мне предложили перейти в один из институтов Челябинска на очень хороших условиях. К тому времени я получил звание кандидата в мастера спорта по лёгкой атлетике и боксу.

Я поставил условие: вместе со мной должны принять ещё четверых моих друзей. Поначалу не соглашались, но в конце концов уступили.

И у нас началась новая интересная жизнь. В общаге в одном крыле жили девчата, а в другом — парни. Танцы каждый выходной, стипендия девять рублей, но не было завтраков и ужинов, только обед. Поэтому первое время нам приходилось по воскресеньям подрабаты-

вать на молокозаводе, овощной базе и других предприятиях. Нам не платили, но мы могли брать с собой столько, сколько в состоянии были унести, из расчёта того ассортимента, который выгружали. Исключением была выгрузка цемента россыпью лопатами через верх вагона: за два вагона платили по тридцать рублей каждому, давали возможность помыться в душе и молоко.

Жизнь в институте мало отличалась от студенческой жизни остальных. Нас уважали, хотя я думаю, что некоторые просто боялись. У девчат мы пользовались вниманием. Учился я хорошо, несмотря на частые пропуски: девчата помогали с конспектами, и я был им за это благодарен.

По выходным, когда была возможность, мы встречались с пацанами в Миассе и порой помогали им ставить на место разных оборзевших тварей.

Всё было ровно, пока до меня не докопался комсорг, требуя от меня активного участия в общественной жизни института. Я ржал над ним и называл его публично дебилом и карьеристом, который ни на что не способен, а может только задницу лизать администрации. На тот момент я писал стихи в стенгазету, выступал в различных литературных композициях, защищал честь института во всех спортивных турнирах. Но его бесило, что я не подчинялся ему, как все, публично обзывая его стукачом и посылая на три буквы. Я всегда не переваривал таких уродов, которые были паразитами и стукачами в любом обществе. В одном из таких разговоров он назвал меня выблядком в присутствии огромной аудитории всего курса, за что незамедлительно был наказан — сломанным носом и челюстью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.